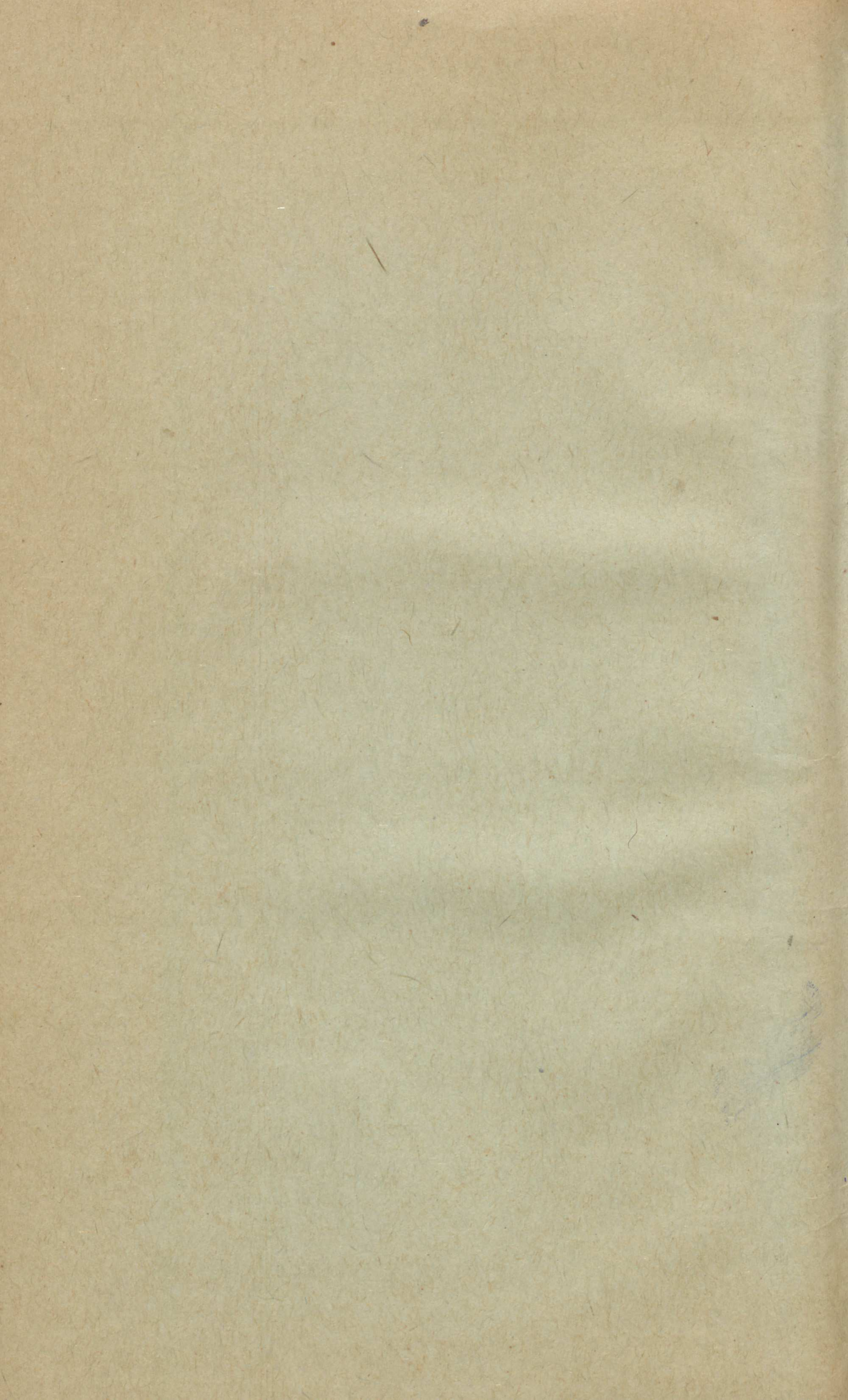




БРАТНЯЯ ЛЮБОВЬ

И

АТЕРНЯЯ НЕНАВИСТЬ,

ИЛИ

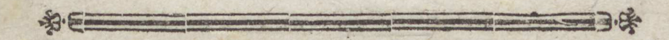
Слѣпая любовь Солимана Турецкаго Императора, и плачевная смерть двухъ Принцовъ сыновей его.

ТУРЕЦКОЙ АНЕКДОТЪ.

Переводъ съ Французскаго.







МОСКВА,

Въ Университетской Типографіи,

у Ридигера и Клаудія.

1794.



* * *

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Братняя любовь и матерьняя ненависть*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Професcоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.



Его Сiятельству,

Господину Бригадиру,

Князю

Николаю Алексѣевичу

Волконскому,

Милостивому Государю,

Усерднѣйшее приношенiе.

ВАШЕ СІЯТЕЛЬСТВО!

Милостивый Государь!

Справедливость того требуетъ, чтобъ упражняющіеся въ наукахъ приносили плоды своихъ трудовъ высокорожденнымъ и добродѣтелями украшеннымъ Особамъ, какъ жертву ихъ качеству должную.

Сіе самое произвело во мнѣ смѣлость предстать предъ лице Вашего Сіятельства и посвятить сію книгу Вашему имени. — Я почту себя довольно награжденнымъ, естьли оная

удостоится Вашего милостиваго воззрѣнія.

Впрочемъ препоручая себя въ Ваше высокое покровительство, честь имѣю навсегда пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію

ВАШЕГО СІЯТЕЛЬСТВА,

МИЛОСТИВАГО ГОСУДАРЯ

Покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою

Дмитрій Орловъ.



БРАТНЯЯ ЛЮБОВЬ И МАТЕРНЯЯ НЕНАВИСТЬ.

Ничто въ свѣтѣ не имѣетъ столь совершенной власти, какъ красота; женщина, знающая искусно употреблять свои прелести, подлинно можетъ назваться сильнѣйшею богинею. Обладатели вселенныя иногда были сами обладаемы своими рабынями: таковые роды чудесъ видны были во многихъ Государяхъ, которые бы по славѣ своихъ дѣлъ могли требовать безсмертія, а безчисленныя угожденія, оказанныя Солиманомъ гордой Рокселанѣ, представляютъ здѣсь славной того примѣръ.

Сей Государь, наслѣдникъ великаго Селима своего отца, имѣлъ такія качества, которыя его дѣлали весьма

достойнымъ Оттоманскаго трона. Онъ былъ бодръ и проворенъ, неутомимъ въ войнѣ, награждая усердїе тѣхъ, которые ему служили, щедръ, нѣженъ къ своей фамилїи, горячь въ своей любви, великъ въ намѣренїяхъ, щастливъ въ предпрїятїяхъ, прекраснаго лица, остраго разума, чрезмѣрной живости, совершеннаго познанїя, и наконецъ былъ мнителенъ и въ малѣйшихъ правилахъ Магометанской религїи.

Первые его поступки были чрезвычайны, и скоро начали думать, что онъ всѣхъ своихъ знатнѣйшихъ предшественниковъ славою превзойдетъ.

Его склонности привлекли его къ прекрасной Грузинкѣ, которая произведя на свѣтъ сына, духъ свой испустила; и какъ Султанъ горячо ее любилъ, то сїе дитя занимало всѣ его попеченїя, и онъ былъ названъ Мустафою, и воспитанъ какъ наслѣдникъ пространнѣйшихъ владѣнїй.

Домъ Оттоманскихъ Императоровъ бываетъ наполненъ прїятными предметами, могущими разогнать печальнѣйшїя идеи; и туда-то, какъ

обык-

обыкновенно бываетъ, входятъ наирѣдчайшія многоразличныхъ климатовъ произведенія. Татарія, Колхида, Греція и другія Европейскія и Асійскія провинціи подаютъ Пашамъ средства угождать Султанскому двору, посвящая младыя и прелестныя жертвы сильнѣйшимъ страстямъ ихъ Государей. Онѣ всегда заключаются въ особенной сераль, и ничѣмъ другимъ не занимаются, какъ только споромъ о преимуществахъ своихъ прелестей.

Хотя Солиманъ обладалъ тысячїю драгоцѣнныхъ различныхъ красотъ, безпрестанно домогавшихся его благосклонности, однако онъ по смерти Мустафовой матери пребывалъ долгое время нечувствительнымъ; но Рокселана, необыкновенной красоты Турчанка, имѣя обильной разумъ, хитрое и отважное честолюбїе, къ нему предстала, и такою наполнила его сердце любовїю, каковой никогда онъ не чувствовалъ. Какъ скоро она сдѣлалась его обладательницею, то также страстно желала сдѣлаться обладательницею и таинъ его: ея тонкая и хитрая политика вскорѣ возвела многихъ на величайшія степени достоинствъ, и

она всячески старалась умѣрять силу и власть тѣхъ, которые находились при милости.

Все ей въ сералѣ повиновалось съ глубокою преданностїю. Султанъ былъ первой ея невольникъ и тяжкїя носилъ ея оковы. Всѣ восточныхъ странъ рѣдкости украшали мѣста ею обитаемыя; ея платье всегда было покрыто драгоцѣнными каменьями; и она будучи только осмнатцати лѣтъ, какъ вступила въ сераль, никогда не воображала того, что должно ей состарѣться.

Въ продолженїе пяти лѣтъ произвела она Солиману четверыхъ сыновей и одну дочь; первой, названной Магометомъ, жилъ мало; но она имѣла удовольствїе видѣть возрастающихъ Баязета, Селима, Зеанжира и Камерїю.

Сїя прекрасная фамилїя лѣта своего младенчества препроводила въ глубокомъ спокойствїи. Солиманъ отличалъ Мустафу по своей къ нему склонности и по правамъ рожденїя; но властолюбивая Рокселана, не могши стерпѣть сихъ преимуществъ, клялась его погубить, и начала сїе безчеловѣчное дѣло внушенїемъ Баязету ненависти

къ

къ Мустафѣ, столь же несправедливой и жестокой, какова была ея.

Баязетъ, которой только имѣлъ однѣ злыя склонности, былъ весьма предпочитаемъ предъ Селимомъ и Зеанжиромъ въ сердцѣ Рокселаны, вознамѣрившейся утвердить его щастїе на щетъ всего того, что ей было возможно; она опредѣляла Имперїю своему младшему сыну. Онъ не находилъ труда послѣдовать пагубнымъ правиламъ; а Рокселана, прекраснѣйшая и опаснѣйшая Фурїя, каковой никогда не бывало у Султановъ, поставила себѣ закономъ быть жестокою и вѣроломною: она уже имѣла участїе въ смерти великаго Визиря Ибраима, потому что онъ былъ весьма добродѣтеленъ, и грозила также смертїю Акомату, которой слѣдовалъ его стезямъ.

Какъ скоро Принцъ Мустафа достигъ шестнатцати лѣтъ, то Императоръ, восхищаясь его душею и тѣлесными достоинствами, сочеталъ его бракомъ съ Принцессою любви достойнѣйшею, и сдѣлалъ Губернаторомъ провинцїи Амазїи. Рокселана, которой власть и красоту пятнатцатилѣтнее теченїе времени не перемѣни-

ло,

ло, согласилась на сїе возвышенїе единственно для того, чтобъ удалить Мустафу отъ глазъ отца, которой всегда усматривалъ то, чего заслуживалъ столь достойной сынъ; онъ въ своемъ правленїи отъ всѣхъ былъ обожаемъ, оказалъ множество опытовъ своей храбрости въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ еще можно быть безъ стыда праздну, и казался въ своихъ поступкахъ столь осторожнымъ, что его непремиримая гонительница долгое время отчаявалась исторгнуть его изъ среды живыхъ.

Баязетъ и Селимъ имѣли одинъ къ другому столько ненависти, что никогда не можно было ихъ видѣть въ согласїи. Зеанжиръ хотя также былъ рожденъ отъ Рокселаны, однако имѣлъ нравы довольно тихїе и хорошїе: онъ, видя безчисленное множество явныхъ пороковъ въ Баязетѣ и Селимѣ, оказывалъ всю свою любовь къ Мустафѣ; и когда хотѣлъ ѣхать въ Амазїю, то усильно просилъ Султана и Рокселану о позволенїи посѣтить Принца своего брата; Султанша, опасающаяся его благоразумїя, не была тронута его отъѣздомъ; онъ съ радостїю удалился

ся

ся отъ двора, въ которомъ толь обыкновенно произходили ужаснѣйшія злодѣянія, и соединился съ Мустафою узами совершеннаго дружества. Рокселана, неусыпно бдящая о своихъ особенныхъ дѣлахъ, принудила Императора выдать за мужъ Камерію, которой было только четырнатцать лѣтъ, за Пашу Рустана, человѣка совсѣмъ преданнаго ея злости, и наиспособнѣйшаго произвесть въ Имперіи страшныя жестокости и измѣны.

Слава, которую Роксελана ему доставила, покорила его на вѣки подъ варварскіе ея законы; онъ сдѣлался ревностнымъ Министромъ въ ея несправедливѣйшихъ предпріятіяхъ, ласкалъ ея страстямъ, благопріятствовалъ ея жестокостямъ, и сдѣлался ея единымъ повѣреннымъ, вседневно находя способъ имѣть съ нею свиданіе посредствомъ тайныхъ хитростей, каковыя онъ производилъ въ сералѣ.

Поелику она ничего сильнѣйшаго не чувствовала въ своемъ сердцѣ, какъ только узрѣть погибель Мустафы и царствованіе Баязета, то препроводила половину своей жизни въ произведеніи плана для исполненія своихъ

пред-

предпрїятій; но величайшая была трудность погубить молодаго Принца, любимаго и почитаемаго всею Имперїею и самимъ Императоромъ, уже повсюду славившагося своими великими дѣлами, воспитывающаго съ хорошею надеждою своего сына и не имѣющаго никакихъ погрѣшностей, которыя бы могли возбудить къ нему отвращенїе во многихъ Государяхъ его крови.

Однако весьма трудно исполнить сїе дѣло, къ которому стремилась Солиманова наперсница. Она всегда царствовала въ его сердцѣ; но будучи невольница, не имѣла такой же власти въ Имперїи. Вступать въ важныя дѣла ей было запрещено; а чрезмѣрная ея гордость возбудила въ ней желанїе не только сдѣлаться изъ невольницы свободною, но и еще довести Султана до того, чтобъ онъ на ней женился; дѣло неслыханное, и сего никогда не случалось, какъ только съ однимъ гордымъ Тамерланомъ, и не отчаявалась отъ него получить сверьхъ слабаго наименованїя супруга, которымъ быть Султаны гнушались, и прочихъ блистательныхъ его титловъ.

Чтобъ совершенно удовольствовать свое желанiе, прикрыла свою гордость благочестiемъ, давъ знать Муфтiю посредствомъ Рустана, что она усердно желаетъ выстроить Мечеть и Имаретъ, то есть, Гофшпиталь для бѣдныхъ Магометанъ, въ той надеждѣ, что сiе благочестивое дѣло послужитъ ко спасенiю ея души. Муфти отвѣтствовалъ, что сiе Императорской невольницѣ не позволительно, почему опасается, чтобъ вина сего дѣйствiя на него не пала. Притворная Султанша приняла на себя видъ задумчивости; Солиманъ, спрашивая ее о томъ многократно, узналъ того причину, и по той власти, какую она надъ нимъ имѣла, сдѣлалъ ее изъ невольницы свободною; и какъ скоро она увидѣла себя въ такомъ состоянiи, то тирански употребила власть своихъ прелестей, давъ уразумѣть Императору, что онъ слѣдуя правиламъ вѣры, имъ съ великимъ благоговѣнiемъ почитаемой, не можетъ имѣть съ невольницею прежняго въ любви обращенiя. Муфти, бывшiй на совѣтѣ, то же самое подтвердилъ. Сколько Султанъ тому не противорѣчилъ, однако сiе ни

къ чему иному не послужило, какъ только къ большему его воспламененію; его толь долговременное обращеніе съ сею красавицею не умалило его къ ней любви: онъ публично женился на хитрой Рокселанѣ, и по слабости, его недостойной, отправилъ сей бракъ въ сералѣ.

Тогда-то совершенная обладательница толикихъ странъ, а болѣе Солиманова, которой былъ ея Государь, вошла въ подробныя обстоятельства правленія, и вскорѣ дала почувствовать тѣмъ, которые составляли Оттоманской дворъ, дѣйствія своей ненависти, или своего благоволенія. Ея отвращеніе къ Мустафѣ умножалось со звукомъ его добродѣтелей, и ея слѣпая къ Баязету нѣжность казалась возрастающею съ его пороками; она также думала, что получивъ власть надъ Имперіею, должна была исправлять толь видимыя его погрѣшности, и что одно сіе достоинство способно было оправдать худой ея выборъ.

Селимъ подлинно имѣлъ великіе пороки, но они были соединены съ довольно хорошими качествами; и ежели онъ имѣлъ согласныя съ Баязетомъ въ

чемъ

чемъ либо мысли, то въ одномъ толь- ко желанiи получить Имперiю; но Мустафа жилъ, Мустафа уже славный множествомъ счастливыхъ подвиговъ, кои были прославляемы въ Амазiи до небесъ, любимый Императоромъ и всею Имперiею, и по видимому столь отличившiйся отъ всѣхъ Оттоманцовъ, что произвелъ бы стыдъ въ самыхъ знатнѣйшихъ Христiанахъ, естьли бы небо соблаговолило его сохранить; но онъ имѣлъ весьма сильныхъ и неутолимыхъ враговъ, могуществу которыхъ не могъ воспротивиться.

Младый Зеанжиръ, къ которому онъ чувствовалъ горячайшую любовь, жилъ при немъ, и взиралъ на него съ почтительною нѣжностiю, стараясь подражать всѣмъ его дѣйствiямъ. Онъ обучился въ Амазiи душевнымъ и тѣлеснымъ упражненiямъ, будучи удаленъ пагубнѣйшихъ серальскихъ правилъ, и тѣхъ ласкателей, которые умѣютъ заражать особъ сего достоинства своими ядовитыми угожденiями: онъ далъ свободное теченiе своимъ хорошимъ и благороднымъ склонностямъ. Принцесса Камерiя, такъ называлась супруга Мустафы, съ такою

кою же страстію, какую онъ къ ней чувствовалъ, его любила, и сіи три благородныя особы были между собою тѣсными соединены узами.

Между тѣмъ, какъ Рокселана торжествовала надъ слабостію Императора, знатныя дѣла происходили въ Азіи. Персидскій Король, непримиримый врагъ Оттоманцовъ, чрезъ свои частыя нападенія наводилъ ужасъ въ Константинополѣ. Солиманъ ничего столько не желалъ, какъ его погибели; но храбрость многихъ Персіанъ во многихъ случаяхъ усмиряла его гордость, и по смерти, которую непобѣдимый Гибраимъ получилъ отъ коварной Рокселаны вмѣсто награжденія за его услуги, Софи многократно бывалъ счастливъ въ побѣдахъ; но храбрый Акоматъ и младый Мустафа поставили препоны его счастію, и Принцъ часто опустошалъ Персію огнемъ и мечемъ съ удивительнымъ подвигомъ.

Зеанжиръ съ какимъ стараніемъ послѣдовалъ ему въ бѣдствіяхъ, съ такимъ же и въ пріятныхъ упражненіяхъ; а Мустафа, прельщаясь его храбростію и хорошими поступками, чув-

чувствовалъ ежедневное умноженiе своей къ нему нѣжности и почтенiя.

Звукъ ихъ славныхъ подвиговъ опечалилъ завистливую Рокселану; она раскаялась, что попустила Зеанжиру имѣть толь тѣсную съ его братомъ дружбу, но уже было поздо опять его возвратить; потому что онъ по волѣ Императора сражался за Имперiю.

Сiи два Принца не слѣдовали прочимъ Государямъ въ жестокости и насилiи: снисхожденiе и милосердiе повсюду ихъ сопровождало; никакая строгость не увеличивала бѣдствiй ихъ оружiемъ побѣжденныхъ, и ихъ слава не меньше Персами, какъ и Турками была почитаема; она безпрестанно умножалась. Рокселана отъ того теряла свое спокойствiе, и ни о чемъ не думала, какъ только о Мустафовой погибели, когда счастiе и любовь подали ей средства его погубить.

Зеанжиръ, рожденный столько же нѣжнымъ, сколько великодушнымъ, вошелъ въ Персiю и разбилъ прекрасный дворецъ, въ которомъ Государи часто воспитывали своихъ дѣтей: храбрость его была наказана за то, что онъ толь счастливо ею воспользовался,

и онъ нашелъ въ сихъ чертогахъ то, чѣмъ на вѣки ему должно было заняться.

Принцесса Перселида, дочь Тахмаса, находилась въ ономъ дворцѣ по причинѣ продолжительной болѣзни, заразившей ее въ Таврисѣ; денной свѣтъ не столько оказывалъ сіянія, сколько она: ея талія, видъ, черты лица и поступка превосходили все то, что только Зеанжиръ могъ видѣть въ свѣтѣ до тѣхъ поръ совершеннѣйшаго; онъ былъ ею ослѣпленъ, и вскорѣ началъ проклинать побѣду, которая не иначе могла для него быть, какъ пагубною. Персидская Принцесса имѣла только осьмнатцать лѣтъ и обладала величайшею красотою, соединенною съ величайшими пріятностями. Зеанжиръ, когда ее увидѣлъ, не зналъ, что она была Тахмасова дочь; но по всѣмъ знакамъ не иначе онъ могъ ее почесть, какъ за чрезвычайную особу, и сіе ему стоило немалаго стыда, или лучше сказать, отчаянія; потому что онъ предсталъ предъ нее вооруженнымъ. Онъ тогда стократно себя укорялъ, что сдѣлалъ противъ сей прекрасной дѣвицы все то, чего бы смертель-

тельной врагъ не могъ сдѣлать, и примѣтя удивленіе, соединенное съ страхомъ, и смущеніе на семъ прекрасномъ лицѣ, которое онъ уже обожалъ, бросилъ свою саблю, и подошедъ къ Перселидѣ съ преданностію, болѣе соотвѣтствующею невольнику, нежели побѣдителю, сказалъ ей дрожащимъ голосомъ: я не знаю, милостивая государыня, знакомы ли вы Тахмасу; но я довольно увѣренъ, чтобъ восторжествовать надъ страшными его непріятелями, должно ему противопоставить васъ ихъ силамъ, и я вѣчно буду почитать себя несчастнымъ, что я кровію и насиліемъ осквернилъ то мѣсто, которое ваше присутствіе должно сдѣлать священнымъ, и учинилъ нѣкоторое возмущеніе вашему покою. Увы! сколько вы за сіе отмстите, и сколько сіи возмущенія суть малы въ сравненіи тѣхъ, которыя мнѣ угрожаютъ лишеніемъ жизни!

Перселида, не ожидавшая толикаго почтенія отъ людей, коихъ она почитала жесточайшими во всей вселенной, усмотрѣла въ Зеанжирѣ, коего имя уже ей сдѣлалось извѣстнымъ, все то, что можетъ привлечь

къ истинному почтенію, и устремила на него свои глаза, которые хотя были омочены слезами, однако ничего не имѣли ни суроваго, ни грознаго. Онъ по окончаніи своей рѣчи бросился на колѣни, а Принцесса, пришедъ въ смятеніе, не попустила ему быть въ семъ положеніи. Встаньте, милостивый государь, говорила она ему, и не унижайте гордость крови Оттоманской толь глубокимъ подобострастіемъ; естьлибъ Тахмасъ былъ одинакихъ со мною мыслей, то бы вы не имѣли случая намъ оказать толикаго великодушія, и война не опустошала бы нашихъ провинцій; но поелику такъ угодно было судьбѣ, то и располагайте по волѣ вашей Царскою дочерью, ибо она уже въ вашихъ находится рукахъ. Какъ, милостивая государыня! прервалъ Зеанжиръ, вы Персидская Принцесса? Подлинно такъ, милостивый государь, отвѣтствовала она. И такъ я нахожу себя дерзновеннѣйшимъ и несчастнѣйшимъ, примолвилъ сынъ Солимановъ; но мнѣ не для чего сомнѣваться въ томъ, что я долженъ предпринять: честь, разумъ и нѣчто еще могущественнѣйшее повелѣваетъ мнѣ

отсю-

отсюда удалиться, и я васъ оставляю въ спокойствiи, которое за мною не послѣдуетъ. Не думаю, продолжала Принцесса, потупя свои глаза, чтобъ ваше великодушiе такъ вамъ дорого стоило, и не надѣюсь, милостивый государь, чтобъ небо такъ жестоко васъ наказало за ваше къ намъ снисхожденiе; но ежели вы почувствуете нѣкоторую печаль отъ того, что вы употребили много храбрости, то оставите по себѣ память, исполненную почтенiя и признательности. Сiи слова, произнесенныя съ трогательною прiятностiю, умножили любовь Зеанжира, изъ сердца коего жестокая необходимость, лишающая его удовольствiя ее видѣть, исторгнула въ то же время вздохи и роптанiе. Наконецъ онъ за должное почелъ открыть воспламеняющуюся свою любовь жертвованiемъ своего покоя. Милостивая государыня! говорилъ онъ Принцессѣ, забудьте безпокойствiя мною вамъ причиненныя, естьли только можно, и не имѣйте ненависти къ такому человѣку, которой не можетъ быть врагомъ Софи, потому что онъ Перселидинъ невольникъ. Сiя рѣчь была сопро-

вождаема столь покорнымъ и страстнымъ видомъ, что Принцесса оною была весьма тронута. Ступайте, милостивый государь, отвѣтствовала она, сохраняйте сей духъ мира, и вѣрьте, что Перселида будетъ приносить Всевышнему обѣты, дабы наши родители оставили свою природную ненависть. Послѣ она ему поклонилась съ учтивостїю, соотвѣтствующею великому Принцу, которой и отвелъ свои войска, за нимъ слѣдовавшїя, въ станъ Мустафы, будучи совсѣмъ въ другомъ положенїи, нежели въ какомъ оттуда вышелъ.

Мустафа, съ нетерпѣливостїю его ожидавшїй, наконецъ увидѣлъ Зеанжира, возвращающагося не безъ великой радости; но печаль, каковую онъ въ его глазахъ примѣтилъ, оную отчасти умѣряла. Что съ вами случилось, любезный мой братецъ? говорилъ онъ ему, обнимая его, и какая можетъ быть причина такого безпорядка, въ каковомъ я васъ вижу? Ахъ! милостивый государь, продолжалъ молодой Принцъ, соотвѣтствуя ему на его ласки; сколь странно мое приключенїе! Я отсюда вышелъ прославлен-

ленный числомъ вашихъ побѣдъ, а теперь вы меня видите уже побѣжденнымъ. Когда Персы, превосходящіе ваше войско числомъ своего, отвѣчалъ Мустафа, могли привести въ ужасъ вашу храбрость, то вы ихъ неоднократно побѣждали, а сію толь малую неудачу должны перенесть съ нѣкоторою умѣренностію. Братецъ! говорилъ сынъ Рокселаны: щастіе, слѣдовавшее за вами въ воинскихъ дѣйствіяхъ, не оставило меня такъ, какъ тѣхъ, которыхъ вы уже пріобыкли побѣждать; я сдѣлалъ больше, нежели сколько желалъ, и овладѣвъ Тахмасовымъ дворцемъ, усмотрѣлъ въ прелестяхъ Перселиды потерю моего спокойствія и моей вольности; я сію Принцессу нашелъ достойною обожанія; я ее люблю, и любить буду непрестанно, и должно умереть, или искать средствъ сдѣлаться ею любимымъ. Ахъ! мой братецъ, прервалъ Мустафа, не уже ли ты отъ сего погибъ? и когда помощь моей дружбы будетъ для васъ недостаточна, то вы развѣ не знаете той помощи, которой вы можете надѣяться отъ вашихъ достоинствъ? Увы! возопилъ Зеанжиръ, знаете ли

вы, съ какими Государями мы должны имѣть дѣло? Тахмасъ и Солиманъ, ревнующіе въ своемъ величествѣ, другъ друга смертельно ненавидятъ, а отчасти почитаютъ себѣ за славу никогда между собою не примиряться; впрочемъ, милостивый государь, какой бы былъ первой мой шагъ къ Перселидѣ? Что она во мнѣ видѣла? врага, стремящагося къ погубленію ея подданныхъ. Ея лице было орошено слезами, а сердце испускало тяжкіе вздохи; я ее для того только увидѣлъ, чтобъ желать всегда ее видѣть, и притомъ раздраженную для того, чтобъ совсѣмъ не надѣяться быть ею терпимымъ. Еще не должно ли мнѣ опасаться Рокселаны? И когда всѣ сіи препятствія малы, то первая Асійская Принцесса, по причинѣ малоразумія Исмаила и слабости Махмета опредѣленная на Персидскій тронъ, будетъ ли опредѣлена послѣднему изъ Оттоманскихъ Принцовъ? Ваше пораженное воображеніе, отвѣтствовалъ Мустафа, представляетъ множество досадныхъ идей для предсказанія вамъ несчастныхъ чудесъ. Солиманъ можетъ сдѣлаться снисходительнымъ, Тах-

Тахмасъ справедливымъ, Рокселана меньше опасною, а Перселида благодарною Твердо въ семъ надѣйся, любезный братецъ; поелику небо долженствуетъ покровительствовать такимъ добродѣтелямъ, каковы суть ваши. Мустафа паки его обнялъ, и узналъ отъ него подробно о томъ, что съ нимъ происходило. Онъ въ угожденiе страсти молодаго Принца вмѣсто того, чтобъ его осудить, въ томъ его подкрѣплялъ. Они легли спать вмѣстѣ; а Мустафа, которой всѣ душевныя волненiя своего брата зналъ, снова ему обѣщалъ всѣ употребить свои силы для его удовольствiя.

Между тѣмъ они услышали, что Персидская Принцесса отъѣхала изъ Мирзы въ Таврисъ, сопровождаемая великимъ числомъ Персидской легкой конницы; сiе удаленiе заставило вздыхать Зеанжира и умножило его печаль: я не хочу, чтобъ болѣе ненавидѣла меня Перселида, оскорбляя ее снова новыми дѣйствiями, говорилъ онъ Принцу своему брату, и для насыщенiя гнѣва непримиримаго Султана я не заставлю глаза, меня прельстившiе, проливать еще слезы. Время благо-

прiят-

пріятствуетъ нашему отшествію, отвѣтствовалъ Мустафа; мы сіе можемъ сдѣлать безъ стыда и безъ страха быть обвиненными въ измѣнѣ; и такъ поѣдемъ, любезный братецъ, и возвратимся въ Амазію. Ахъ! Мустафа, вскричалъ влюбленный Зеанжиръ: я не отъѣду, не узнавъ совершенно моей участи; въ семъ-то случаѣ ваша дружба должна простить несчастнаго, которой только на васъ надѣется. Такъ пойдемъ въ Таврисъ, продолжалъ Мустафа, какое бы тамъ нещастіе намъ ни угрожало. Нѣтъ, милостивый государь, говорилъ Зеанжиръ, не вамъ должно предпринять толь опасное путешествіе; вы обязаны остаться при войскѣ, которое чрезъ ваше отсутствіе можетъ претерпѣть какое либо несчастіе: но позвольте мнѣ одному итти въ тѣ мѣста, которыя ревностное желаніе возбуждаютъ во мнѣ видѣть Перселиду; я тамъ никому не извѣстенъ, и по видимому не могу воспользоваться тѣмъ счастіемъ, чтобъ тамъ долгое время прожить; а ежели любовь мнѣ будетъ благопріятствовать, то вѣрьте, что ничто тамъ мнѣ воспротивиться не можетъ.

Му-

Мустафа, видя его одного отъѣзжающаго, сколько въ томъ ему ни упорствовалъ, однако принужденъ былъ уступить его нетерпѣливымъ желанїямъ, и прїуготовлять къ походу Оттоманскїя войска къ своимъ гарнизонамъ; поелику Софи послалъ свое войско въ тѣ мѣста, въ которыхъ оно обыкновенно зимовало.

Между тѣмъ страстный Зеанжиръ, сопровождаемый однимъ только молодымъ Туркомъ Идюфомъ, которой былъ ему вѣренъ, поѣхалъ въ Таврисъ, переодѣвшись въ Персидское платье, приличное однимъ только чиновнымъ людямъ. Можно сказать, что благоразумїе въ семъ путешествїи его не сопровождало, и что онъ шелъ подъ руководствомъ самой слѣпой и повелительной страсти, безъ всякой надежной помощи: онъ будучи больше слѣпъ своимъ разумомъ, нежели сколько былъ слѣпъ молодой Махметъ, вторый сынъ Тахмасовъ, своими глазами, слѣдовалъ возмутительнымъ своимъ восторгамъ, не разсуждая о трудностяхъ своего предпрїятїя; онъ въ семъ трудномъ и безпокойномъ путешествїи много нашелъ медлительности въ своихъ ко-

нcorrect

няхъ, и наконецъ увидѣлъ гордыя Тавриса башни, коихъ великолѣпныя пирамиды касались самыхъ облаковъ. Не столь трудно получить доступъ къ Софи, сколь къ Султанскому сералю; и хотя бы малое возъимѣть съ кѣмъ нибудь знакомство и быть щедру, то можно получить покровительство и помощь.

Зеанжиръ былъ рожденъ съ такими дарованіями, которыми онъ могъ повсюду отличаться; и только будучи видимъ при взятіи Мирзы нѣкоторыми Персіанами, которые во время смятенія не могли свободно его примѣтить, взошелъ въ Таврисъ, и зная совершенно Персидскій языкъ, былъ въ самомъ дворцѣ.

Софи и его дѣти были въ мечетѣ; отважнѣйшій Зеанжиръ увѣдомился о Принцессѣ Перселидѣ: тотъ, котораго онъ объ ней спросилъ, былъ изъ числа Офицеровъ Тахмасова двора, человѣкъ учтивой и отъ природы благосклонной.

Онъ отвѣтствовалъ Принцу, что Перселида, когда Мирза была подвержена опасности, возвратилась въ Таврисъ, но въ такой задумчивости, кото-

торая ее сдѣлала ко всѣмъ неприступною, выключая только Царской фамилїи. Остроумный Зеанжиръ, возмутившись отъ сего, вообразилъ, что Перселидино унынїе было слѣдствїемъ слабости здоровья, что онъ принудилъ ее туда возвратиться. Какъ ничего не было начертано кромѣ величественнаго, важнаго и любви достойнаго на лицѣ Принца, то Персїанинъ, съ которымъ онъ говорилъ, вскорѣ почувствовалъ къ нему любовь и почтенїе. Зеанжиръ, весьма его обласкавъ, сказалъ ему, что онъ любопытствуя видѣть дворъ Софи послѣ долговременнаго для сего путешествїя, получилъ сїе удовольствїе, выключая только одной Принцессы, которой онъ еще не видалъ. Ализанъ, желая ему услужить, отвѣтствовалъ, что онъ можетъ получить сїе удовольствїе, вошедши въ садъ, къ которому онъ его и повелъ въ то время, когда уже солнце начинало опускаться. Молодой Султанъ послѣдовалъ за Ализаномъ, которой ему показалъ прїятнѣйшее мѣсто для ожиданїя Персидской Принцессы: вы здѣсь можете прогуливаться, говорилъ ему Ализанъ; и какъ вы никому

кому неизвѣстны, то, ежели кто васъ спроситъ, скажите, что вы сюда пришли по причинѣ пріятности и красоты сего мѣста. Тогда легко вы признаете Принцессу по чудесной ея красотѣ, и вамъ не будетъ воспрещено на нее смотрѣть столько, сколько вы возможете; но теперь, думаю, Софи долженъ выттти изъ мечети, и такъ надлежитъ мнѣ васъ оставить; а ежели въ другое время и въ другой случай я могу вамъ оказать мои услуги, то оное исполню съ великимъ удовольствіемъ и усердіемъ. Зеанжиръ благодарилъ Ализана, и простясь съ нимъ, дожидался того часа, въ которой Перселида должна прогуливаться. Сіи минуты, толь желаемыя Зеанжиромъ, произвели въ немъ нетерпѣливость; но наконецъ онѣ пришли. Принцъ вошелъ въ садъ, Перселида показалась и купно съ нею всѣ прелести. Зеанжиръ не могъ ее увидѣть безъ жестокаго движенія крови: онъ никогда больше сего счастія не могъ надѣяться. Принцесса вошла въ тайную бесѣдку; Зеанжиръ, къ оной подошедъ съ задней стороны, сквозь вѣтвей увидѣлъ наилюбезнѣйшій предметъ, каковой только

могъ

могъ представиться его зрѣнію; глаза Перселидины были наполнены томностію. Можно было примѣтить ту самую небрежность, каковую она имѣла въ своемъ платьѣ; но сіе ни мало не препятствовало многоразличнымъ прелестямъ, коими одарила ее природа, и кои дѣлали ее гораздо плѣнительнѣе и опаснѣе. Одна дѣвушка ее сопровождала, которая знала всѣ ея тайныя мысли. Алцинда! говорила она ей, сѣдши въ кресла: извѣстно ли тебѣ, что Софи хочетъ заключить миръ? Онъ утрудясь взирать на текущее множество крови, возмущенный весьма справедливыми страхами, видя своихъ непріятелей щастливыми и простирающими свои завоеванія до Тавриса, безъ сомнѣнія пожелалъ бы мира, естьли бы только Солиманъ захотѣлъ оной предложить. Увы! мы бы не имѣли болѣе безпокойствъ, и въ пріятной тишинѣ препровождали бы свои дни при Исмаилѣ и Махметѣ, на которыхъ небеса толико прогнѣвались. Но можете ли вы, милостивая государыня, отвѣтствовала Алцинда, поставить въ число вашихъ непріятелей того молодаго Принца, которой толико намъ оказалъ въ Мирзѣ великодушія



и почтенія, и которой не опасаясь столь самодержавной и жестокой власти, какова есть Солиманова, располагалЪ вашею красотою по вашей волѣ? Смущеніе, оказавшееся тогда на его глазахЪ, было столь нѣжно, что легко можно было заключить, что весь, кромѣ его, СултановЪ родЪ не имѣлЪ ни малѣйшей пріязни кЪ Тахмасову роду. Хорошо, примолвила Перселида, такЪ что же ты хочешь заключить изЪ сего различія чувствованій, каковое ты находишь вЪ Оттоманской фамиліи? То, что ПринцЪ ЗеанжирЪ васЪ обожаетЪ, подхватила Алцинда. Увы! прервала Принцесса, сіе было бы величайшее какЪ для меня, такЪ и для него нещастіе. КЪ чему бы послужила ему сія любовь? Не кЪ его ли погибели, и кЪ моему безпрестанному возмущенію? НѣтЪ, онЪ не опредѣленЪ кЪ толь ужасному нещастію, и я не предамся столь чувствительнымЪ оскорбленіямЪ. Но вы по своему проницанію, продолжала Алцинда, могли ли уразумѣть его слова, и видѣли ли его дѣйствія, не познавЪ оныхЪ причину? Не почувствовали ли вы чего нибудь, на него взирая, когда онЪ сЪ вами

ми говорилъ? О небо! Алцинда, говорила Перселида, сколько бы иногда было полезно быть малоумною, какъ Исмаилъ, и слѣпою, какъ Ахметъ! но я имѣю глаза прозорливые и душу чувствительную: прошу тебя, перемѣнимъ сей разговоръ, которой я начала, и которой должна окончить.

Во время сихъ разговоровъ Зеанжиръ находился въ величайшемъ движенїи; чрезмѣрная радость овладѣла его душею; примѣтна была любовь, воспоминаемо было объ оной безъ негодованїя, а какъ по всему видно было, съ удовольствїемъ. Онъ побужденъ будучи чрезмѣрнымъ желанїемъ, уже готовился взойти въ бесѣдку; но Перселида изъ оной вышла, и обратила свои стопы въ ту сторону, въ которой онъ находился.

Различїе, каковое находится между платьемъ Турецкимъ и Персидскимъ, не перемѣнило вида Зеанжирова лица, и Принцесса довольно помня онаго черты, его узнала; ея удивленїе такъ возмутило всѣ ея чувства, что естьли бы не Алцинда, она бы не могла устоять. Зеанжиръ, увидѣвъ ее толь возмущенную, испугался, и приближился

къ ней трепещущими стопами. Я васъ заклинаю, милостивая государыня, говорилъ онъ ей, преклоняя свои колѣни, не раздражайтесь противъ нещастнаго, которой не могъ стерпѣть вашего удаленія, не сказавъ вамъ еще однажды, что никакая страсть, сколькобъ она ни была сильна, страсти его никогда не уподоблялась. Я не съ тѣмъ пришелъ въ Таврисъ, чтобъ производить въономъ ужасъ, и не съ тѣмъ, чтобъ искать завоеваній, но испросить моимъ долговременнымъ и жестокимъ страданіямъ хотя малой жалости. . . Принцъ хотѣлъ говорить еще болѣе; но Принцесса, пришедъ въ себя, прервала его рѣчь: вы не должны сомнѣваться, милостивой государь, говорила она ему, чтобъ ваше присутствіе меня не удивляло и не оскорбляло; и сіе не почтите знакомъ неблагодарности къ вашимъ великодушнымъ поступкамъ, по которой бы можно было меня обвинять въ неправильномъ къ вамъ отвращеніи: но вы довольно знаете наши законы и должности нашего состоянія, также и не безъизвѣстно вамъ, что видѣть мущинъ, а особливо таковыхъ, какъ вы, намъ воспрещено, и

что

что не подвергнувшись великому стыду и великимъ прискорбіямъ, не можемъ того сдѣлать Впрочемъ, Зеанжиръ, вы не безопасны въ Таврисѣ, и я бы съ меньшею печалію на васъ здѣсь взирала, естьли бы только вы были вооружены, поелику вы могли бы защититься. Ахъ! какая нужда, милостивая государыня! вскричалъ молодой Султанъ: имѣюль я причину страшиться Тахмасовой жестокости, ежели только Принцесса Перселида на меня взираетъ безъ отвращенія и гнѣва? Страхъ смерти ничего не можетъ мнѣ причинить; но воображеніе быть вами ненавидиму причинило бы мнѣ жестокое мученіе. Ненависть, продолжала Принцесса, съ трудомъ бы нашла свое мѣсто въ благодарной душѣ, и сіе, милостивый государь, не должно васъ безпокоить; я бы на васъ взирала съ удовольствіемъ, естьли бы только мнѣ сіе было позволено; но поелику благопристойность и несогласіе нашихъ дворовъ долженствуютъ разрушить все наше знакомство, то вы, Зеанжиръ, подите, подите къ своимъ соотечественникамъ. Увы! что я тамъ буду дѣлать? продолжалъ Принцъ; стенать и

и отчаяваться? Вы изыщите средства исходатайствовать миръ двумъ сильнѣйшимъ державамъ, примолвила Перселида, взглянувъ на него съ нѣжностію, и естьли бы онъ когда нибудь былъ утвержденъ. . . . Когда она хотѣла продолжать свою рѣчь, въ то время появился Софи, и Зеанжиръ былъ принужденъ не только изъ Дворца, но и изъ самаго Тавриса выйти по желанію Перселиды, которая поклонясь ему съ видомъ наполненнымъ пріятности, его оставила.

Огорченный Зеанжиръ отъѣхалъ, и только новыя почувствовалъ мученія любви отъ сего щасливаго свиданія. Желаніе понравиться, и желаніе возстановить миръ вмѣстѣ въ его мысляхъ соединились; Принцесса ко всему сему была весьма расположена: онъ чрезъ ея разговоръ съ Алциндою узналъ, что Тахмасъ могъ на оное согласиться. Онъ всего могъ надѣяться отъ горячаго дружества Мустафы; но сей Принцъ, такъ какъ и онъ, зависѣлъ отъ самодержавной власти, и сверьхъ сего надлежало сражаться съ бѣшенствомъ мачихи. Судьба многихъ Принцовъ его крови представляла предъ его глаза печаль-

печальные предметы. Онъ, находясь въ сихъ прискорбныхъ размышленіяхъ, догналъ Мустафу, и объявилъ ему объ успѣхѣ своего путешествія. Расположеніе, какое имѣлъ Тахмасъ къ миру, его обрадовало; онъ думалъ, что должно съ хитростію сіе предупредить, такъ чтобъ Солиманъ не былъ о томъ извѣстенъ: дружба, какую онъ имѣлъ къ Зеанжиру, была способна его побудить къ труднѣйшимъ предпріятіямъ.

Изъ всѣхъ Турковъ, приверженныхъ къ Мустафѣ, казался Ахметъ усерднѣйшимъ, но меньше вѣрнымъ; онъ его воспитывалъ во время его младенчества; и Принцъ, которому долговременный опытъ не могъ открыть его вѣроломства, совершенно на него полагался; однако же по нѣжной и великодушной предосторожности не хотѣлъ ввѣрить Ахмету Зеанжирову тайну, хотя онъ былъ ему не совсѣмъ подозрителенъ, и избравъ его Посланникомъ для предложенія мира Тахмасу, и для испрошенія Перселиды въ супружество одному изъ сыновъ Солимановыхъ, вручилъ ему письма, въ которыхъ все относилось къ его имени,

ни, хотя онъ всегда съ горячностію любилъ Камерію.

Безчестный Ахметъ, корыстолюбивѣйшій изъ всѣхъ Турковъ, не презиралъ даровъ Рокселаны и Рустана; онъ дорого продавалъ Мустафовы тайны, а ту, которой онъ почиталъ себя обладателемъ, и которая была важнѣе прочихъ, основалъ на верьху надежды великаго прибытка. Онъ притворился отправляющимся въ Таврисъ, но вмѣсто того, пославъ Мустафовы письма къ Рокселанѣ, по возвращеніи своемъ сказалъ Принцу, что Тахмасъ онымъ насмѣялся, и за должное почелъ отослать ихъ Солиману, чтобъ ему показать, въ какія руки онъ препоручалъ главныя дѣла своей Имперіи. Сей отвѣтъ удивилъ Мустафу, а еще болѣе опечалилъ. Его разумъ говорилъ ему тысячекратно, что онъ хитростями Рокселаны опредѣленъ къ погибели; и не сомнѣваясь, чтобъ онъ не былъ назначенъ къ смерти, запрещалъ измѣннику Ахмету открывать того истинну Зеанжиру, а только объявить, что Софи требовалъ нѣсколько времени для отвѣту на предложенія ему учиненныя.

Два

Два Принца прибыли къ Камеріи, которая послѣ долговременнаго отсутствія и толь великихъ бѣдствій ихъ приняла съ чувствительнѣйшею радостію. Она никогда не казалась достойнѣе любви въ глазахъ Мустафы, и печальное состояніе, въ коемъ онъ тогда находился, не воспрепятствовало ему вкушать всю пріятность, каковую онъ обыкновенно находилъ въ собраніи толикихъ прелестей: онъ тщательно скрывалъ отъ нее свои страхи и безпокойствія, а показывалъ только одну нѣжность и угожденія.

Между тѣмъ нещастныя его письма, кои гнусный Ахметъ предалъ варварскимъ рукамъ, произвели страшныя дѣйствія въ Константинопольскомъ сералѣ. При первомъ чтеніи оныхъ Солиманъ пришелъ въ бѣшенство, сорвалъ съ своей головы челму, рвалъ на себѣ волосы, угрожалъ Мустафѣ, Тахмасу со всею Персіею, и совершенно впалъ въ сѣти, кои разставила его разсудку Роксолана. Онъ думалъ, что Мустафа единственно для того стремился вступить въ союзъ съ Тахмасомъ, чтобъ отнять у него тронъ и жизнь; и сія мысль, которая раз-

рушала всѣ права природы, вкоренившись въ его голову, не давала мѣста прочимъ мыслямъ. Онъ въ короткое время собралъ всѣ свои войска въ Имперіи, и хотя онъ былъ обремененъ старостію и долженствовалъ быть насыщенъ славою, однако вознамѣрился самъ предводительствовать оными, и желалъ, чтобъ Рокселана, всегдашняя обладательница его желаній, была отъ него неотлучна. Годовое время не воспрепятствовало ему итти въ Азію, и какъ его войска были тогда столько же счастливы, какъ и во время его младыхъ лѣтъ, то онъ произвелъ такія дѣла, которыя бы должны были происходить отъ справедливѣйшихъ причинъ. Какъ Баязетъ былъ возмутительнаго духа, а Селимъ былъ любимъ, то онъ ихъ не оставилъ въ Константинополѣ, опасаясь страшныхъ перемѣнъ, каковыя часто случаются у Оттоманцовъ.

Несчастный Зеанжиръ по народной молвѣ узналъ, что обвиняли Мустафу въ согласіи съ Тахмасомъ, и что Солиманъ, побужденный Рокселаною, обѣщалъ кровавую жертву ея гнѣву, ведя самъ

всѣ свои войска противъ Перселидина отца.

Солиманъ, знавшій чрезъ долговременный опытъ, что Тахмасъ былъ весьма силенъ и весьма храбръ въ сопротивленіи ему, остановился въ Сиріи; но желая имѣть въ своей власти Персидскую Принцессу, все обѣщалъ Рустану, естьли только онъ учинитъ его обладателемъ сей опасной красоты. Повѣренной Рокселаны никогда не имѣлъ недостатка въ намѣреніяхъ и въ вымыслахъ для исполненія несправедливыхъ и насильственныхъ дѣлъ. Онъ былъ въ Таврисѣ, и съ хитростію, достойною Солиманова выбора, похитилъ Перселиду во Дворцѣ изъ среди придворныхъ окружавшихъ Тахмаса, и чрезъ сей счастливой успѣхъ своего злодѣянія наполнилъ сердце Султана великою радостію. Гордая Рокселана хотѣла видѣть Принцессу, и отъ страху трепетала, чтобъ она тронувъ сердце Солимана, не лишила ее счастія. Перселида предстала предъ нее съ видомъ исполненнымъ величества и скромности, и не оказавъ ничего противнаго своими поступками сану Рокселаны, дала почувствовать свое къ ней презрѣніе.

Сул-

Султанша такъ хитро поступила, что Солиманъ не имѣлъ никакого желанія увидѣть дочь Тамхасову, и повелѣла, чтобъ хранили ее подъ стражею въ особенной палаткѣ; но не взиряя на всѣ предосторожности Рустана, Баязетъ по случаю ее увидѣлъ и жестоко въ нее влюбился. Какъ скоро онъ почувствовалъ сіе зло, которое ему толь долгое время было не извѣстно, то размышлялъ о средствахъ, какія только могъ къ тому употребить, и рѣшился подкупить стражу, хотя опасался Рокселаны, чтобъ она новымъ родомъ своего гоненія не причинила любви достойной Перселидѣ великихъ безпокойствъ.

Въ то время увѣдомили о семъ произшествіи дружелюбныхъ Принцовъ; и Зеанжиръ, знавши, что сего преступленія, въ которомъ брата его обвиняли, онъ былъ истинною причиною, вознамѣрился предъ всѣми объявить, что только онъ одинъ былъ Перселидинъ любовникъ.

Какъ скоро они явились въ Солимановъ станъ, то солдаты, которые любили до обожанія Мустафу, возносили сіе любезное имя даже до небесъ,

а

а Султанъ столько былъ симъ раздраженъ, что вмѣсто того, чтобъ обойтись отечески съ симъ достохвальнымъ сыномъ, велѣлъ взять его подъ стражу; а что касается до Зеанжира, то онъ подъ видомъ остался свободнымъ: но въ какомъ состоянiи пребывала его душа! Онъ видѣлъ свою владычицу и своего великодушнаго брата, которые для него тысящекратно были драгоцѣннѣе самой жизни, по повелѣнiю немилосердаго Государя и свирѣпой Султанши, обремененныхъ оковами, и безпрестанно себя укорялъ несчастiемъ сихъ двухъ невинныхъ жертвъ. Султанъ принялъ его съ свирѣпымъ видомъ, а Роксолана столько изпустила на него своей адской злобы, что онъ проклиналъ рожденiе, имъ отъ нее полученное. Ты вспомоществовалъ въ любовныхъ дѣлахъ Мустафѣ, говорила она ему наединѣ, и сею-то во время пребыванiя твоего въ Амазiи занимался ты должностiю толь презрѣнiя достойною! Я ни въ моемъ обращенiи съ Мустафою, милостивая государыня, отвѣтствовалъ Принцъ, ни въ моей къ нему дружбѣ, ни во всѣхъ моихъ поступкахъ ничего такого не сдѣлалъ, что бы могло оскорбить какъ

Сул-

Султанское, такЪ и Ваше Величество; и сей братЪ, котораго вы обвиняете вЪ предосудительной любви, совсѣмЪ невиненЪ; и вы не знаете его постоянной кЪ Камерїи страсти. Мы еще меньше знаемЪ его хитрости сЪ нашими непрїятелями, продолжала Рокселана, но онЪ будетЪ за сїе довольно наказанЪ; и безопасность Солимана требуетЪ жизни того, кто непрестанно угрожаетЪ его жизни. . . КакЪ, милостивая государыня! прервалЪ ПринцЪ, и такЪ вы осуждаете того, котораго славнѣе и великодушнѣе едва ли когда имѣла Оттоманская фамилїя; и когда всѣ сердца за его добродѣтели вступаются, то одно ваше пребываетЪ кЪ онымЪ нечувствительно! Подлый невольникЪ сего дерзновеннаго брата! прервала Султанша: Принцы моея крови не уже ли не имѣютЪ никакихЪ достоинствЪ и никакой славы; и возможно ли, чтобЪ преимущество перворожденїя предпочитало человѣка, котораго уже давно моя ненависть совсѣмЪ изЪ сердца моего изгнала, и котораго я больше ненавижу по тому, что онЪ не хранимЪ никакого почтенїя кЪ своему отцу, и кЪ его великому

сты-

стыду любитъ дочь Тахмаса? . . . Не оскорбляйте его верности, говорилъ Принцъ: я одинъ искалъ Тахмасовой дружбы; Зеанжиръ любитъ Перселиду, и ему судьбою определено любить ее вечно. Сей Принцъ, котораго вы не престаете гнать, сохраняя мою тайну на щетъ своей жизни, весьма показываетъ, сколько онъ великодушенъ. Твоя хитрость безполезна, продолжала Султанша: не делай себя ненавистнымъ твоему отцу, принимая на себя притворно ту любовь, которую онъ осуждаетъ, и разсуждай, что другъ Тахмасовъ и Перселидинъ любовникъ ничто иное есть, какъ гнусный предметъ для Солимана.

Она, сказавъ сїе, оставила Принца и пошла къ Султану, чтобъ преклонить его своими прелестями на свою сторону; но она не знала, что онъ во время ея разговоровъ съ Зеанжиромъ виделъ Мустафу; и чрезъ сїе свиданїе достоинства Принца возобновили въ душе его отца всю къ нему любовь и нежность. Онъ ему сделалъ тысячу укоризнъ, кои Мустафа выслушалъ спокойно, и въ оправданїе своихъ поступковъ, касающихся до Персїи, ко-

торыхъ онъ по справедливости не могъ утаить, говорилъ такимъ образомъ: Великїй Государь! подлинно я писалъ къ Тахмасу о мирѣ безъ дозволенїя Вашего Величества, и почиталъ, что оной могъ быть столько же славенъ, и гораздо больше полезенъ, нежели война, коея долговременность принуждаетъ стенать множество народовъ. Получивъ толикократныя побѣды надъ симъ первымъ Асїйскимъ Государемъ, не выгодно ли было бы Вашему Величеству заключить торжественный съ нимъ союзъ чрезъ одного изъ вашихъ сыновей? Тахмасъ имѣетъ только двухъ сыновъ; но малоумный Исмаилъ не способенъ управлять толь пространною Монархїею; а лишенный зрѣнїя Махметъ, будучи не въ состоянїи самъ ходить, не можетъ предводительствовать толь великимъ числомъ подданныхъ. Одна только Перселида, заключающая въ себѣ всѣ совершенства, достойна Персидской короны. Зеанжиръ любезенъ Вашему Величеству, и заслуживаетъ всѣ величїя, происходящїя отъ счастїя. Рокселана его мать не долженствуетъ сопротивляться его счастїю; и естьли онъ вступу-

вступитъ съ Перселидою въ супружество, то всѣ ваши права и ваша власть могущественнѣе умножатся въ Азіи; онъ ее любитъ, и любимъ ею: то попустите ли вы возмутить сіи два младыя сердца, кои при первомъ свиданіи взаимная склонность неразрывными узами соединила? и ваша строгость не позволитъ ли вамъ возымѣть какого нибудь снисхожденія къ страсти, изъ опыта Вашего Величества вамъ извѣстной? Какъ, Мустафа! отвѣтствовалъ Султанъ, ты хочешь помрачить славу твоего брата тѣмъ порокомъ, въ которомъ тебя обличаютъ, и на него обратить мой гнѣвъ? Я тебя больше почиталъ справедливымъ; но не думай, чтобъ я къ нему былъ больше снисходителенъ, нежели къ тебѣ. Ежели это правда, что ты въ любви невиненъ, такъ для чегожъ ему ласкалъ въ его безумной страсти? Ты будешь причиною всѣхъ его несчастій, и можетъ быть онъ въ томъ будетъ обвинять твою несчастную дружбу. Ахъ, Государь! прервалъ Принцъ, можно ли сопротивляться любви? и Ваше Величество не испытали ли, что ничто не препятствуетъ ея успѣхамъ?

 Есть-

Естьли бы вы увидѣли Перселиду, естьлибъ узнали ея добродѣтель, то бы Зеанжиръ остался предъ вами невиннымъ. Государь! чтожъ касается до меня, то я могу клясться Вашему Величеству, что мои глаза никогда не были подвержены той опасности, которая происходитъ отъ ея прелестей, и что, естьли бы я былъ въ нее влюбленъ, надлежало бы одному моему воображенію произвесть сіе зло: но Камерія имѣетъ такія прелести, которыя меня приковали къ ней на вѣки.

Когда Принцъ изъяснялся такимъ образомъ, въ то время Моратъ, одинъ изъ Солимановыхъ повѣренныхъ, которой по Рустанѣ больше всѣхъ имѣлъ къ нему доступу, просилъ позволенія особливо переговорить съ Его Величествомъ. Мустафу отвели въ его палатку, а Моратъ объявилъ Султану, что Принцъ Баязетъ, влюбившись въ Перселиду, всѣ употребляетъ свои усилія, чтобъ только ее видѣть. Баязетъ казался по своей жестокости нравовъ столько же страшнымъ Солиману, сколько Мустафа и Зеанжиръ по своей скромности и достоинствамъ; тысяча различныхъ мыслей его возмущали; онъ

онъ въ одну минушу привелъ себѣ на память все то, что сначала многихъ вѣковъ жесшочайшаго въ Опшоманской Имперіи происходило. Кровопролитныя царствованія его предшественниковъ его усшрашали; толикія злодѣянія и отцеубійсшва, коихъ жестокіе примѣры онъ дотолѣ ни во что ставилъ, входили толпою въ его память, и онъ ничего инаго между Оттоманцами не видя, кромѣ измѣнъ и жестокосердія, всего опасался; а лѣта, кои начинали приводить въ ослабленіе его разумъ, произвели сіи страхи столь сильными, что все ему казалось подозрительнымъ. Перселида, прекрасная и опасная Перселида, которая побѣдивъ Зеанжира, а можетъ быть и Мустафу, пришла даже и въ самой станъ одержать побѣду надъ сердцемъ жестокаго Баязета, по слабости Султана вскорѣ была объявлена наказанія достойною; и хотя онъ не осудилъ ее на смерть, однако по крайней мѣрѣ обременилъ оковами столь тяжкими, что никакое могущество не возмоглобъ оныя разорвать. Между тѣмъ, какъ онъ мучился сими воображеніями, вошла Рокселана. Любезная! говорилъ онъ ей съ возму-

 щен-

щеннымъ видомъ: ты можетъ быть скоро меня увидишь приступающаго къ плачевному опредѣленію; Перселида отмщеваетъ за Тахмаса его непріятелямъ; Баязетъ и Зеанжиръ въ нее влюблены; должно всего страшиться отъ кого нибудь изъ сихъ двухъ Принцовъ и ничего не упускать, что касается до другаго. Чтожъ принадлежитъ до Мустафы, я его видѣлъ, и не могъ получить противныхъ объ немъ мыслей; его глубокое спокойствіе отвѣтствовало за его совершенную невинность; онъ только показалъ слабость свою въ томъ, что помогалъ Зеанжиру, и для него-то онъ тщательно домогался Тахмасовой дружбы. Баязетъ, твой любезный Баязетъ, виновнѣйшій изъ всѣхъ, обременился оковами Перселиды безъ всякой къ тому причины, но по одному только случаю: онъ подкупаетъ всѣхъ стражей, чтобъ только ее увидѣть, и въ то время, какъ Рустанъ и Ахметъ вооружаютъ меня противъ одного Мустафы, торжествуетъ надъ слабостію солдатъ. Великій Государь! отвѣтствовала Рокселана: я чувствую во глубинѣ моея души то неудовольствіе,

како-

каковое мои дѣти причиняютъ Вашему Величеству, и въ то же время удивляюсь великой славѣ вашего сына. Всѣ ваши начальники и солдаты объ немъ только говорятъ, и напередъ вкушаютъ удовольствiе, видя толь достойнаго послѣ васъ наслѣдника. Ахъ! Рокселана, вскричалъ воздохнувши Султанъ, естьли бы нетерпѣливость Мустафы соотвѣтствовала ихъ ревности и усердiю, то бы я вскорѣ былъ въ числѣ сихъ отцевъ, коихъ старость дѣлаетъ презрительными, и коихъ гордость дѣтей свергаетъ съ трона. Я не думаю, чтобъ Мустафа и въ мысляхъ своихъ захотѣлъ вамъ причинить какое либо оскорбленiе, говорила Султанша: однако страсть моя къ Вашему Величеству представляетъ моимъ глазамъ такiе виды, которые приводятъ меня въ трепетъ; источникъ славы и величества можетъ возмутить Мустафово благоразумiе. Кто можетъ отвѣтствовать моей смущенной нѣжности за ваше здравiе? Кто меня увѣритъ, что сей сынъ всегда ко мнѣ пребудетъ покорнымъ и почтительнымъ? Ахъ! Рокселана, вскричалъ Султанъ, сколько ты возму-

щаешь мою душу! Умножьте Мустафову стражу; стрегите тщательно Перселиду; наблюдайте поступки Баязета и Зеанжира, и наконецЪ покажите явные знаки моего могущества, такЪ чтобЪ все предЪ онымЪ молчало.

Рокселана такимЪ образомЪ устрашивЪ душу своего супруга, открыла свою радость Рустану. Теперь мы торжествуемЪ! говорила она ему; СолиманЪ трепещетЪ, СолиманЪ боится своей погибели; и мы уже достигли той цѣли, чтобЪ погубить Мустафу: я боюсь только Зеанжира; онЪ любитЪ Перселиду, и должно его занять симЪ вЪ то время, какЪ я буду стараться укрощать страсть Баязета. ЕжелижЪ СултанЪ одного изЪ двухЪ возненавидитЪ, то я лучше желаю, чтобЪ сїя ненависть пала на Зеанжира, нежели на того, которому моя нѣжность опредѣлила тронЪ его отца; и какое бы несчастїе со мною ни случилось, то я, видя вЪ его рукахЪ державу, совершенно утѣшусь.

Усердный кЪ Рокселанѣ рустанЪ новыя оказалЪ ей вЪ вѣроломствѣ и жестокости увѣренїя; и между тѣмЪ, какЪ умножили Мустафову и Перселидину

дину стражу великимъ числомъ солдатъ, онъ пошелъ къ Зеанжиру, и увидѣвъ его исполненна печалїю отъ новыхъ жестокостей Солимана, говорилъ ему: Государь! что вы такъ прискорбны, будучи любимы Султаншею и окружены вѣрными и вамъ усердными подданными? Ненавистное Рустаново лице не могло показать, ниже обѣщать никакой истинной довѣренности молодому Султану; однако онъ не могъ безъ причины грубо обойтися съ такимъ человѣкомъ, которой занималъ знатнѣйшее мѣсто въ Имперїи, и былъ мужъ его сестры. Султанша, отвѣтствовалъ онъ, и всѣ прочїя особы, которыя бы могли быть мнѣ полезны, не оказываютъ никакого усердїя къ моей помощи; и какъ моя къ Перселидѣ любовь теперь столь же мало извѣстна, сколько мое къ Мустафѣ усердїе и сожалѣнїе, то я отъ васъ не скрываю, что сей моей печали сїи двѣ причины. Принцъ Мустафа, продолжалъ Рустанъ, никакой не подверженъ опасности, и любовь Императора защититъ его отъ всѣхъ неправильныхъ подозрѣнїй. Естьли онъ употребитъ нѣкоторыя предосторож-

ности, то вы не должны вЪ разсужденіи сего безпокоиться: но любовь моя кЪ Камеріи обязываетЪ меня вспомоществовать и вашей любви, не оскорбляя тѣмЪ моего Государя и мою Государыню. БаязетЪ вашЪ соперникЪ; онЪ всѣ свои напрягаетЪ силы, чтобЪ увидѣть Перселиду, но безЪ моей помощи ни вЪ чемЪ не можетЪ успѣть: для васЪ только одного я употреблю всѣ свои силы; вы безЪ всякой трудности можете войти вЪ ПерселидинЪ шатерЪ, естьли только имѣете кЪ тому желаніе. АхЪ РустанЪ! вскричалЪ ЗеанжирЪ, восхищенный радостію отЪ сего обѣщанія, сколько былЪ бы я счастливЪ, естьли бы ты столь ко мнѣ былЪ благосклоненЪ! Ночь наступаетЪ, продолжалЪ РустанЪ; ступайте только за мною и будьте скромны.

Любовь тогда оказала все свое могущество, какЪ то РустанЪ предвидѣлЪ. ЗеанжирЪ внималЪ только тому, что его льстило; величайшія несчастія казались ему легчайшими противностями, и страсть, которая его ослѣпила, великія производила вЪ сердцѣ его возмущенія.

Пер-

Персидская Принцесса, похищенная Турками, не скоро узнала, кого она долженствовала обвинять въ семъ насилiи, и можетъ быть въ ономъ подозрѣвала Зеанжира; но прибывъ въ Султановъ станъ и узнавъ о несчастiи Мустафы, ясно увидѣла, что сiи Принцы не были того виновниками. Воспоминанiе ея о Зеанжирѣ не было столь слабо, чтобъ оное не занимало всей ея души. Гнѣвъ Солимана иногда приводилъ ее въ трепетъ въ разсужденiи Зеанжира; она не знала, что Мустафа былъ въ любви къ ней подозрѣваемъ; ибо письма его не дошли до рукъ Тахмаса, а почитала Султана раздраженнымъ по тому, что при взятiи Мирзы благосклонно съ нею поступили; она о семъ часто говаривала съ Алциндою, которая была съ Принцессою неразлучна. Увы! къ чему намъ послужило великодушiе Зеанжирово? говорила она ей. Не къ нарушенiю ли нашего покоя, поелику мы должны быть невольницами? Не лучше ли бы намъ было принять отъ его руки смерть, нежели попасться въ руки немилосердаго Солимана? Что послѣдуетъ со мною? Алцинда! какая

моя судьба будетъ, находясь подъ властїю Рокселаны? Не воображай, чтобъ сїе мое безпокойство происходило отъ страха смерти; нѣтъ, Алцинда! это меня не тревожитъ; но находя мой разумъ побѣжденнымъ такими чувствованїями, которыхъ я не смѣю проникнуть, всегда усматриваю одинъ предметъ, и безпрестанно думаю объ одной вещи. Отсутствїе Тахмаса и моя темница долженствовала бы причинить мнѣ великїя безпокойства; однако чувствую, что сердце мое еще страждетъ гораздо тяжчайшею того болѣзнїю. Ахъ! любезная Алцинда, сколько бы для меня была полезна нечувствительность, и сколь для меня неизвѣстность мучительна! Что случилось съ Зеанжиромъ? Что онъ дѣлаетъ? Какїя его мысли? Увы! Алцинда, я тебѣ открываю всю мою слабость: но ты меня любишь, и ты мнѣ вѣрна, и я не могу отъ тебя таиться. Немилосердая судьба, васъ похитившая, отвѣтствовала Алцинда, не можетъ по крайней мѣрѣ у васъ похитить утѣшенїя въ вашихъ жалобахъ; я думаю, милостивая государыня, что Принцъ Зеанжиръ еще гораздо

до несчастнѣе васъ: онъ знаетъ, что вы подъ стражею; онъ васъ съ горячностію любитъ, и можетъ умереть отъ печали, естьли только онъ вамъ не окажетъ какой нибудь услуги. О небо! Алцинда, вскричала Принцесса, что ты мнѣ представляешь? Какъ! чтобы я вмѣсто благодарности къ сему Принцу за его толь нѣжныя и толь великодушныя старанія нанесла ему смерть! Боже Всемогущій! отъими скорѣе мою несчастную жизнь.... Когда она хотѣла продолжать свою рѣчь, въ то время нѣкоторой шумъ принудилъ ее оглянуться назадъ, и она увидѣла одного человѣка, котораго тотчасъ почла за безпокойнаго Баязета, которой ей въ то время, когда не строго за нею надзирали, своими любовными изъясненіями уже наскучилъ; но спустя минуту, ея глаза вывели ее изъ обмана, и уже увидѣла Зеанжира стоящаго на колѣняхъ, прежде нежели она могла его отъ того удержать: ея несчастіе не воспрепятствовало, чтобъ она отъ свиданія съ симъ Принцомъ не почувствовала въ своемъ сердцѣ великой радости; а радость Зеанжирова была смѣшана съ печа-

печалїю: онЪ не могЪ взирать на недостойное мѣсто, вЪ которомЪ Перселида безЪ стыда и безЪ отчаянїя пребывала. Принцесса по своей прозорливости и по предвѣщанїю своего сердца узнала всѣ его чувствованїя; и какЪ РустанЪ, которой притворно хотѣлЪ показать свое угожденїе искреннимЪ, не послѣдовалЪ за ЗеанжиромЪ, оставивЪ только свидѣтелемЪ сего свиданїя одну Алцинду, вЪ то время молодой СултанЪ, испустивЪ тяжкїе вздохи и проливЪ нѣсколько слезЪ, говорилЪ Принцессѣ такимЪ образомЪ: милостивая государыня! я вижу васЪ вЪ шатрѣ СолимановомЪ отягченную оковами, и сей несчастной, которой посвятилЪ вамЪ остатокЪ своей жизни, кЪ вѣчному своему мученїю, находится безсильнымЪ исторгнуть васЪ изЪ рукЪ враговЪ, которые помощїю хитрости и измѣны сдѣлались обладателями вашей особы! Увы! какЪ я могу сносить денной свѣтЪ, освѣщающїй сїе злодѣянїе? Нестрашно подвергнуть себя погибели, или раздражить Султана, удерживающаго мою отважность и мою руку; всѣ тѣ, кои не почитаютЪ Перселиду, мои враги! Соли-

лиманъ, Рокселана и ихъ подлые ласкатели: но что можетъ сдѣлать безсильный и оплакиванія достойный Зеанжиръ, лишенный присутствія Мустафы въ такой арміи, которую никакъ обольстить и подкупить не можно, и которая свою ко мнѣ довѣренность и почтеніе терять начинаетъ? Уже я нахожусь подъ игомъ величайшихъ несчастій и печали, которая для меня тѣмъ чувствительнѣе, что Солиманъ и Рокселана оной суть причиною. Зеанжиръ говорилъ съ такою чувствительностію, что Персидская Принцесса тѣмъ больше была отягчена, нежели своими оковами; и сей Принцъ такъ страстно изъяснился въ своей любви, что Перселида почувствовала къ нему за оную великую благодарность. Несчастіе ваше, происходящее отъ моего злаго жребія, чрезмѣрно умножаетъ мои страданія, говорила она ему; не думайте, чтобъ Солиманова жестокость истребила изъ моей памяти первыя благодѣянія, вами мнѣ оказанныя: я познаю оныхъ всю цѣну, которая на вѣки останется въ моемъ сердцѣ великою. Сіе теперешнее несчастіе не составляетъ моего вели-

личайшаго несчастія, но другое меня безпокоитъ. Скажите мнѣ, милостивый государь, о вашемъ при дворѣ состояніи, что дѣлаетъ Принцъ Мустафа? что Султанша? каковы суть ваши вѣрные друзья? чего можете безпокоиться и чего должны надѣяться? Какъ моя къ вамъ любовь возродила во мнѣ безпристрастіе ко всѣмъ вещамъ, отвѣчалъ Принцъ. . . . Ахъ! Зеанжиръ, съ печалію прервала его рѣчь Перселида, въ такомъ ли мы теперь состояніи, чтобъ думать о любви? и находясь подъ властію сильнѣйшихъ и непримиримыхъ Тахмасовыхъ и всей его фамиліи враговъ, должны ли мы быть къ чему нибудь чувствительны, кромѣ нашихъ несчастій? Разсуждайте о несчастіяхъ толь великихъ и толь мало насъ достойныхъ: Солиманъ можетъ быть теперь хочетъ осудить на смерть дочь такого Государя, которой во всемъ ему равенъ; но онъ, слѣдуя жестокимъ обычаямъ своихъ предковъ, чего не можетъ предпринять и противъ самыхъ славнѣйшихъ своихъ наслѣдниковъ? Вы весьма довольно знаете, что въ сихъ странахъ одно только бѣшенство управ-

ляетъ страстями, и что здѣсь никогда невинныхъ страстей не бывало. Милостивая государыня! продолжалъ Принцъ: разсужденія у Турокъ безполезны, и онѣ ни къ чему больше не служатъ, какъ только къ пріуготовленію себя къ твердости; наша участь въ семъ случаѣ вседа бываетъ неизвѣстна, и самое родство не имѣетъ толь крѣпкихъ узъ, чтобъ гнѣвъ и ревность не могли въ одну минуту ихъ разорвать. Принцъ Мустафа происками Рокселаны, которая ничего такъ жадно не ищетъ, какъ его погибели, содержится подъ крѣпкою стражею; чтожъ касается до друзей, то ихъ совсѣмъ нѣтъ, и которые кажутся вѣрными, тѣ суть измѣнники, принуждающіе страшиться ихъ самихъ. Я свободнѣе могу ходить по сему стану, нежели мой братъ, и чрезъ одну только помощь Рустана вошелъ я къ вамъ и достигнулъ толь мною желаемаго предмета радости. Какъ! Государь, вскричала Принцесса: Рустанъ оказываетъ вамъ услуги, Рустанъ меня похитившій, Рустанъ толь приверженной къ Рокселанѣ, и толь мало способный къ сдѣланію чего нибудь

че-

честнаго! Ахъ Принцъ! больше всего опасайся толь явнаго коварства; его злоба исполнена хитрости, услуги напоены ядомъ, склонности вѣроломны и всѣ его предпріятія беззаконны; и я трепещу, видя васъ въ такомъ мѣстѣ, въ которое вы введены съ коварнымъ намѣреніемъ. Пусть Рустанъ, отвѣтствовалъ Принцъ, будетъ еще ужаснѣйшими исполненъ пороками; пусть его душа пріуготовляетъ мнѣ и самую смерть, но я ему во всемъ прощаю, потому что онъ мнѣ доставилъ счастіе васъ увидѣть. Зеанжиръ! продолжала Перселида, взглянувъ на него съ нѣжностію, я васъ заклинаю, не будьте ослѣплены въ сихъ восторгахъ, которые можно назвать легкомысленными; разсуждайте, что больше, нежели жизнь одного человѣка, и жизнь, вамъ любезная, зависитъ отъ Рустановыхъ поступковъ. Можете ли вы себѣ вообразить, чтобъ сей пагубнѣйшій наперсникъ Рокселаны въ толь кратчайшее время оставилъ свои пороки, дабы къ вашимъ добродѣтелямъ быть чувствительну? Его угожденія притворны и заражены смертоносным ядомъ; и ежели вы не имѣете попеченія о самомъ

момъ себѣ, то по крайней мѣрѣ вспомните о Мустафѣ и Перселидѣ. О небо! вскричалъ Зеанжиръ: не уже ли я не могу хотя на одну минуту насладиться спокойствіемъ, и возможно ли, чтобъ печальныя мысли возмущали удовольствіе, каковое я вкушаю, видя Перселиду? Послѣ сего Зеанжиръ еще хотѣлъ говорить о своей страсти, но Принцесса ему въ томъ воспрепятствовала съ тою властію, которую уже она имѣла надъ его сердцемъ, и которая не позволяла ему на сіе негодовать. Въ то время онъ узналъ, что Мустафовы письма не дошли до Тахмаса, и легко могъ понять, что безчестный Ахметъ ему измѣнилъ; онъ также примѣтилъ, что сей бунтовщикъ былъ не разлученъ съ Рустаномъ, и часто видался съ Рокселаною. Перселида не утаила отъ Зеанжира и того, чего отъ нее требовалъ дерзкой Баязетъ; и ежели Зеанжиръ, зная его худыя и достойныя презрѣнія качества, не почувствовалъ ревности, то по крайней мѣрѣ не былъ чуждъ страха, могущаго произойти отъ жестокости его брата.

Наконецъ препроведши нѣсколько часовъ въ семъ мѣстѣ, въ которомъ онъ, не взирая на всѣ свои несчастія, съ пріятностію забывался, Рустанъ упросилъ его оттуда вытти, обѣщаясь ему и впредь также служить. Зеанжиръ ничего не хотѣлъ отъ него таить, и говорилъ ему о самой Баязетовой любви; но Визирь ему отвѣтствовалъ, что хотѣнія Рокселаны навсегда воспротивятся любовнымъ требованіямъ Баязета.

Зеанжиръ, не взирая на всѣ страхи, каковые умная Перселида ввергнула въ его душу, препроводилъ всю ночь въ воспоминаніи прелестей, коими она обладала, и скромность сей любви достойной Принцессы не могла сокрыть того, что она можетъ быть столько же была нѣжна и столько же чувствительна къ молодому Султану, сколько онъ былъ въ нее влюбленъ. Сія лестная мысль одержала въ сердцѣ Зеанжира верьхъ надъ всѣми другими мыслями, и счастіе почитать себя любимымъ услаждало горесть его несчастій.

Между тѣмъ, какъ Зеанжиръ разсуждалъ о предметѣ, занимающемъ всѣ его мысли, Рустанъ разговаривалъ

валъ съ Рокселаною, которую Баязетова любовь страшно безпокоила. Ее ничто больше не мучило, какъ жизнь Мустафы; и гордая ея душа часто воздыхала, что красота Перселиды произвела великое впечатлѣніе въ Принцахъ ея крови. Она воспрещала повелительнѣйшимъ образомъ Баязету, пріобыкшему къ ея послабленіямъ, никогда не имѣть свиданія съ Тахмасовою дочерью. Солиманъ ему о семъ говорилъ съ такою же властію. Баязетова гордость пришла отъ того въ раздраженіе, и Оттоманская фамилія была раздираема любовію и бѣшенствомъ.

Чтожъ касается до великодушнаго Мустафы, то онъ, какъ скоро оставилъ Амазію, пріуготовлялся къ смерти: Рокселана ему довольно была извѣстна; онъ ни мало не могъ надѣяться, чтобъ она оставила свою къ нему ненависть. Ежели воспоминаніе о Камеріи и о сынѣ, которой имъ былъ весьма любезенъ, колебало твердость его духа, то въ то же время ему разумъ говорилъ, что онъ съ тѣмъ только и произведенъ на свѣтъ, чтобъ умереть; что злоба гордой Рокселаны развѣ

только нѣсколькими годами ранѣе исполнитъ дѣйствіе необходимости, и что великодушной человѣкъ долженъ предпочитать смерть старости, безпокойствъ исполненной. Его чувствительнѣйшее прискорбіе состояло въ томъ, что онъ былъ лишенъ утѣшенія видѣть Зеанжира, и зная, что Перселида находится подъ стражею, не сомнѣвался, чтобъ Принцова страсть не подвергала его тысячѣ бѣдствій.

Солиманъ безпрестанно колебался въ морѣ сомнѣній и страховъ; Роксолана и Рустанъ, познавая его слабости, возбуждали въономъ бури. Мустафова мачиха увеличивала, сколько сей опасный Принцъ былъ любимъ войскомъ, а особливо возмутительными Янычарами, которые были всѣхъ отважнѣе и дерзновеннѣе. Также разсѣяли ложной слухъ о возмущеніи въ Амазійской провинціи, въ которой присутствіе Мустафова сына сдѣлало его сторону сильнѣйшею. Солиманъ отъ сихъ страшныхъ мыслей потерялъ всю свою нѣжность; его воображеніе, что онъ не долго будетъ царствовать, требовало отъ него жесточайшихъ предосторожностей; онъ при-

во-

водилъ себѣ на мысль, сколько дѣти нетерпѣливо ожидаютъ смерти самодержавныхъ своихъ отцевъ для полученія короны; и какъ онъ и самъ можетъ быть не былъ чуждъ сихъ лестныхъ желаній, то отъ сего еще болѣе смущался. Должно погубить Мустафу, или самому погибнуть, говорилъ онъ Рустану и Рокселанѣ. Хотя бы Оттоманцы и не совсѣмъ ему были преданы, однакожъ онъ довольно ими любимъ, что можетъ произвесть великія возмущенія. Старость дѣлаетъ Государей презрительными, а особливо у Турокъ; и хотя тяжесть моихъ лѣтъ не уменьшаетъ моихъ силъ, но еще служитъ къ укрѣпленію моего мужества; однако цвѣтущее юношество представляетъ непостоянству моихъ подданныхъ такой предметъ, которой больше достоинъ ихъ повиновенія и вѣрности. Превосходныя качества Мустафы, которыя прежде сего составляли счастіе моей жизни, причиняютъ мнѣ теперь мученіе. Умретъ ли онъ, или будетъ живъ, я всегда останусь достойнымъ сожалѣнія: потерявъ корону, мое состояніе пребу-

детъ плачевнымъ; и ежели я пожертвую моимъ сыномъ недовѣрчивости и сомнѣніямъ, то будетъ ли кто нибудь изъ отцевъ меня виновнѣе и несчастнѣе? Я подлинно отъ сего умру. Хитрая Роксолана, желая изгнать изъ сердца своего супруга сію нѣжность, ему сказала: Великій Государь! такъ сохраняйте свою жизнь жизнію Мустафы. Онъ будетъ жить для того, чтобъ мы сдѣлались его жертвами, или смотрѣли на него, какъ на своего владыку. Нѣтъ, любезная моя! прервалъ съ горячностію Султанъ, ты никогда не увидишь перемѣны въ моемъ величествѣ; никакъ не попущу, чтобъ я сдѣлавшись рабомъ гордаго моего сына, ожидалъ горестной смерти. Исполни мое повелѣніе, Рустанъ! поспѣши свершить необходимое преступленіе; сыщи скорыхъ исполнителей нашихъ тайныхъ велѣній; и въ то время, когда будетъ Мустафа лишенъ жизни, оставь мнѣ оплакивать сіе несчастіе, къ которому привела меня необходимость. Роксолана, симъ восхищенная, сдѣлала знакъ Рустану удалиться, и подъ видомъ утѣшенія Султанова сердца,

оста-

осталась при немЪ, дабы еще его болѣе раздражить и отвратить отЪ того, что онЪ могЪ перемѣнить.

РустанЪ всѣ сохранилЪ предосторожности, которыя бы могли опровергнуть препятствія вЪ варварскомЪ его исполненіи. ОнЪ, дабы совсѣмЪ занять Зеанжира, привелЪ его кЪ Перселидѣ, и коварнымЪ образомЪ ему сказалЪ, что ИмператорЪ уже началЪ умягчаться, хотѣлЪ простить Мустафу и согласиться на заключеніе мира сЪ ТахмасомЪ.

Хотя сіи слова происходили отЪ невѣрнаго и подозрительнаго человѣка, однако весьма обольстили влюбленнаго Зеанжира, такЪ что онЪ тому повѣрилЪ. ОнЪ подошедЪ кЪ Персидской Принцессѣ, говорилЪ ей такимЪ образомЪ: милостивая государыня! я теперь спокойнымЪ на васЪ взираю окомЪ; потому что СолиманЪ думаетЪ о мирѣ и жестокость Султанши уменьшилась. Да благоволитЪ небо, отвѣтствовала ему Перселида, чтобЪ сіе спокойствіе было добрымЪ предзнаменованіемЪ, и чтобЪ РустанЪ подЪ сими пріятными видами не скрывалЪ злодѣйствЪ столь великихЪ, каковыя долгое время уже я усматриваю. АхЪ! государыня, про-

 дол-

должалЪ ПринцЪ: позвольте, чтобЪ несчастный, который отЪ него много оныхЪ предвидитЪ, получилЪ хотя на одну минуту нѣкоторую отраду у ногЪ вашихЪ, и испросилЪ отЪ васЪ снизхожденія за мою толь великую кЪ вамЪ любовь и почтеніе. Милостивый государь! сказала Перселида: когда вы больше всего желаете сражаться сЪ моими склонностями, то можетЪ быть не весьма далеко будете отЪ побѣды: но скажите мнѣ, о чемЪ вы думаете вЪ толь опасныя минуты? Увы! ничего вы не предвидите, и повидимому не слѣдуете благоразумію: я не знаю, что предзнаменуютЪ страшные мои сны и необычайныя движенія духа; невинное наше сїе обращеніе приводитЪ меня вЪ страхЪ и заставляетЪ думать, что оно будетЪ послѣднимЪ. Хотя я на васЪ взираю безЪ отвращенія, а можетЪ быть и сЪ удовольствїемЪ, однако мнѣ кажется, что одни только страхи насЪ окружаютЪ: моя душа, будучи отЪ природы тверда, наполнена теперь смертельными ужасами, и сїи текущїя слезы, не взирая на мое постоянство, вамЪ отвѣтствуютЪ за мою чувствитель-

ность.

ность. О Тахмасъ! примолвила она съ прискорбїемъ, о Солиманъ! сколь дорого мнѣ стоятъ гордость и ненависть ваша!

Между тѣмъ, когда Перселида изъяснялась такимъ образомъ, ужасный Рустанъ, послѣдуемый своимъ пагубнымъ конвоемъ, то есть четырьмя нѣмыми, (которые суть обыкновенные Султанскїе палачи) вошелъ въ шатеръ, въ которомъ Мустафа находился подъ стражею; не надлежало возвѣщать Принцу причины сего посѣщенїя. Ступай, Рустанъ, говорилъ онъ Визирю, твое лице не для того произведено, чтобъ возвѣщать какое благополучїе; я уже знаю, за чѣмъ ты сюда пришелъ. Скажи Султану, что я охотно отдаю ему жизнь, которую онъ мнѣ даровалъ, и что я, невинно умирая, оставляю ему смертельныя и ужасныя совѣсти угрызѣнїя; наслаждайся съ Рокселаною плодами вашихъ вѣроломствъ и жестокостей; теперь безполезно просить защиты и покровительства супругѣ и сыну того Принца, которой почти со времени своего рожденїя гонимъ былъ непремиримыми своими врагами: они подпадутъ

шой судьбѣ, которую имъ предуготовитъ небо; но возвѣсти отъ меня Рокселанѣ, чтобъ она, проливъ кровь Солимана, пощадила хотя свою. Дружество, которое до сихъ поръ хранилъ ко мнѣ Зеанжиръ, можетъ сему несчастному Принцу, по причинѣ неумѣренной его печали, сдѣлаться пагубнымъ; такъ помышляла бы о средствахъ его предохранить; сему-то брату столь любезнѣйшему и достойнѣйшему отъ всѣхъ быть любиму, посылаю я мои послѣднія чувствованія, говоря ему: прости на вѣки.

Рустанъ, носящій въ себѣ каменное сердце, не былъ тронутъ тѣмъ, что бы возмогло тронуть и самыхъ жесточайшихъ варваровъ: онъ велѣлъ подойти нѣмымъ къ знатной Рокселаниной жертвѣ; но сей Принцъ хотя отчаявался въ своей жизни, однако почелъ, что его слава не позволяла ему такъ подло дать себя умертвить, и бросивъ на нѣмыхъ и на Рустана грозный взоръ, хотя онъ былъ обезоруженъ, оттолкнулъ перваго, къ нему подошедшаго, однимъ ударомъ своей руки, и съ необычайною силою бросился на другихъ. Рустанъ, обезпокоясь и устра-

устрашась таковаго препятствія, взялъ въ руки саблю и велѣлъ войти многимъ солдатамъ, которыхъ онъ на сей случай приуготовилъ. Храбрый Мустафа произвелъ дѣла превосходящія человѣческія силы; но наконецъ былъ побѣжденъ, и отъ недостойныхъ рукъ лишился жизни, отъ славы коей произошло несчастіе. Рустанъ былъ весь обагренъ кровію, и видя, что Принцъ уже испустилъ свой духъ, хотѣлъ увѣдомить о семъ Роксолану; но стражи и солдаты, коихъ созвалъ шумъ, при видѣ толь плачевнаго зрѣлища подняли печальные крики. Зеанжиръ, услышавъ сіе, оставилъ Перселиду въ великомъ страхѣ погруженную. Какъ скоро онъ явился, то Янычары, стремящіеся къ бунту, возвѣстили ему несчастіе его брата и хотѣли провозгласить его Императоромъ; но несчастной Принцъ, внимая только отчаянной своей печали, побѣжалъ стремглавъ въ несчастной шатеръ, въ которомъ лежало Мустафово тѣло, и обнимая оное съ нѣжною любовію, вынесъ еще теплое и все обагренное кровію предъ зрѣніе всей арміи. У всѣхъ потекли источники слезъ. Янычары

хотѣли отмстить за тѣнь Мустафы кровавыми потоками. Роптаніе умножилось и крики усугубились. Рокселана, исполненная страха, побуждала Султана предъ всѣхъ явиться; Зеанжиръ при видѣ сего безчеловѣчнаго отца потерялъ все къ нему свое почтеніе, и по причинѣ своего праведнаго гнѣва и неутолимой печали тысящекратно его укорялъ. Напослѣдокъ онъ ему сказалъ: царствуй, безчеловѣчный Государь! и оказавъ надъ благороднѣйшею своею кровію свою жестокость, распространяй оную по всей вселенной. Оставь Роксеоланѣ и Рустану Имперію, которую они уже по твоей слабости похитили. Ты никогда не долженствовалъ опасаться Мустафы; его почтеніе и его добродѣтели тебѣ отвѣтствовали за его скромность; сіе произошло отъ бѣшенства злочестивой его мачихи и отъ твоего несчастнаго легкомыслія. Знай, что ты находишься подъ властію палачей твоего сына, и что тѣ, которые принесли на жертву Мустафу неистовству и честолюбію Роксеоланы, могутъ принести на жертву и Солимана Баязету. Живи въ недовѣрчивости, жестокой

отецъ,

отецъ, и лишенный славы, которая погребена въ порокахъ столь же великихъ, сколько наши несчастія, по крайней мѣрѣ окажи покровительство достойной любви и невинной Перселидѣ. Что касается до меня, которой сгараетъ отъ желанія соединиться съ Мустафою, то я никогда не допущу, чтобы такъ со мною поступили, какъ съ симъ дражайшимъ моимъ братомъ. Тогда онъ бросился на тѣло сего Принца, обнялъ оное и вонзилъ кинжалъ въ свое сердце.

Солиманъ, пораженный страхомъ и раскаяніемъ, вошелъ въ свою палатку проклинаемъ всею арміею, которая безъ управленія начальниковъ стремилась къ главному бунту. Соболѣзнующая о Зеанжировой смерти Рокселана утѣшилась Мустафовою смертію: она употребила всѣ свои труды, свою хитрость и даже самые подарки для укрощенія жестокости солдатъ. Никакая ночь не была никогда страшнѣе той, которая послѣдовала за смертію двухъ Принцовъ; весь станъ горько плакалъ: тогда-то прекрасная Персидская Принцесса почувствовала въ себѣ, сколь она была нѣжна, и всѣмъ открыла чув-

стви-

ствительность своей души. Чего она не говорила Баязету, которой во время сего случившагося несчастнаго приключенія нашелъ средство войти въ ея палатку! Онъ узналъ, сколько Зеанжиръ ею былъ любимъ, и восхищался погибелью толь опаснѣйшаго своего соперника. Хотя онъ предъ ней изъяснялъ свою страсть, все ей обѣщалъ и предлагалъ, однако отъ раздраженныхъ ея очей ничего кромѣ презрѣнія и текущихъ слезъ не усмотрѣлъ, и только ожидалъ отъ своей любви одной жестокости. Неограниченныя повелѣнія Рокселаны извлекли его изъ сего мѣста, и избавили Перселиду отъ ненавистнаго предмета. Алцинда сопротивлялась ея отчаянію со всею своею ревностію, но не могла умѣрить чрезмѣрной ея печали.

Солиманъ, лишившись своихъ дѣтей, почиталъ себя лишеннымъ разума. Въ одну минуту стократно пылалъ онъ гнѣвомъ противъ Рокселаны, и въ то же самое время ее прощалъ. Рустанъ принужденъ былъ удалиться, а Султанъ, тронувшись состояніемъ Перселиды, вознамѣрился ее назадъ отослать. Рокселана, которая въ разсуж-

сужденіи Баязета страшилась ея прелестей, не сопротивлялась ея отъѣзду. Ей велѣли выѣхать изъ стану и возвратиться въ Таврисъ; и гордой Баязетъ тщетно старался вырвать изъ рукъ ее сопровождавшихъ. И такъ печальная Принцесса была возвращена отцу, которой намѣревался вооружить всю Азію для изъятія ее изъ плѣна, и которой, какъ скоро она прибыла въ его дворецъ, былъ чрезмѣрно обрадованъ.

Ласкательства и всѣ попеченія Рокселаны укрѣпили бурю въ Солимановой душѣ; и сіи двѣ адскія фуріи принудили Султана согласиться на смерть и Мустафова сына, которой бы, сколько молодъ ни былъ, могъ причинить много возмущенія. Послали палачей въ Прузу, и сей сынъ, достойной славнаго отца, лишаяся своей невинной жизни, оказалъ знаки своей добродѣтели и величества. Неутѣшимая Камерія вскорѣ послѣ того испустила свой духъ, а беззаконнѣйшая Рокселана была чрезмѣрно довольна.

Спустя нѣсколько времени по возвращеніи въ Константинополь, Баязетъ, которой много произвелъ возмущеній

и любовныхъ дѣлъ, не могъ и тамъ пребыть въ спокойствіи, и своими предпріятіями раздражилъ Императора. Вся отличность, которою онъ былъ обязанъ слѣпой нѣжности Рокселаны, не могла его сдѣлать покорнымъ и послушнымъ. Онъ имѣлъ явныя ссоры съ Принцомъ Селимомъ своимъ братомъ, и вѣрный Акоматъ, которой держалъ сторону сего послѣдняго, погибъ отъ злобы и мщенія Султанши.

Но сія жестокая, гордая, тщеславная и невѣрная Султанша, которую бы можно было поистиннѣ назвать чудомъ жестокости, препроведши еще два года въ изгнаніи добродѣтели и невинности, и распространивъ свою власть и свое могущество выше всѣхъ примѣровъ, каковые только могутъ намъ всѣ вѣки представить о неограниченной власти надъ сердцемъ супруга, умерла естественною смертію, и вмѣстѣ съ своею жизнію оставила беззаконное сіе могущество еще неограниченнымъ, которое ей стоило толикихъ злодѣяній. Солиманъ ее оплакалъ, и воздвигъ ея памяти великія почести. Остатки его старости были обезпокоиваемы раздорами Баязета съ Селимомъ,

момъ, изъ коихъ первой побужденъ будучи любовію, убѣжалъ въ Персію. Перселида, не могшая забыть Зеанжира и пребывая въ непрестанной печали, всегда его принимала съ презрѣніемъ. Тахмасъ сперва оказалъ Баязету нѣкоторую довѣренность, но послѣ онъ ему сдѣлался подозрительнымъ. Наконецъ Солиманъ и Тахмасъ заключили между собою миръ. Баязетъ, видя себя лишенна любви своего отца и внѣ надежды преклонить Перселиду, слѣдовалъ только одной своей печали и бѣшенству; онъ какъ въ Персидской, такъ и въ Турецкой Имперіяхъ произвелъ различные бунты, заговоры и мятежи; и сей достойной предметъ горячайшей Рокселаниной любви, сей сынъ, для котораго она толико произвела злодѣяній, получилъ жребій Мустафы, и по повелѣнію его отца былъ удавленъ, оставя надежду Имперіи одному Селиму, которой по смерти Солимана оною владѣлъ.

КОНЕЦЪ.



